

— К концу 1977 года Костя Латышев оказался единолично во главе темы "Клён-6", выполнявшейся университетом по договору с ИЗМИРАНом. После окончательного изгнания из университета Гострема - он пристроился профессором-консультантом в Институте океанологии, уж не знаю, чему он там консультировал, по каким вопросам, - и ликвидации его кафедры (экспериментальной физики) ушли из университета один за другим кандидаты наук из его команды Ермоленко, Тренчук, Терентьев, Юсупов, надеявшиеся при Гостреме на штатные преподавательские места и лишившиеся этих надежд с его уходом. Оставались Никитин и Латышев, да неостепенённые НИСовцы.

— Никитин продолжал вести свою небольшую тему по договору с ИПГ, а Костю, работавшего теперь старшим преподавателем на кафедре матанализа, назначили научным руководителем темы "Клён-6" - больше некого было назначить из кандидатов наук. Казалось, осуществилось то, за что мы бились когда-то, ещё совсем недавно, с Кубаровским.

— Костя, однако, хотя и числился научным руководителем темы, если и руководил, то только Бобарыкиным и Медведевым, верными своими собутыльниками, "бойцами", "подносчиками снарядов", как их называл Смертин, да и то Медведевым теперь фактически руководил Миша Власов из ИПГ. Все остальные сотрудники темы имели своими конкретными руководителями кого-либо из обсерватории - меня, Саенко, Иванова или Лаговского. Будучи заказчиками, мы были и научными руководителями, а зачастую и просто исполнителями работ, которые по хоздоговору обязан был самостоятельно выполнять университет. То есть фактически сохранялась та же ситуация в части наших взаимоотношений с университетом, что была и при Гостреме.

— Костей, как руководителем, сотрудники темы были недовольны. Больше всего брюзжали Смертин и Лёнька Захаров, но не в открытую, самому Косте, а за глаза - жаловались на него мне. Основания для этих жалоб и в самом деле имелись. Костя теперь всю свою энергию направлял на то, чтобы пробить себе отдельную кафедру - прикладной математики. Руководство такой большой - по объёму финансирования и, соответственно, штатам - темой как "Клён-6" было ему, разумеется, на руку в его административной карьере. Руководить же темой по-настоящему Косте и времени не хватало - преподавательская нагрузка с непривычки отнимала очень много сил, как и карьеристские хлопоты, - и авторитета не хватало, и научной квалификации, особенно геофизической.

— Но больше всего настроил он многих против себя манипуляциями с премиями.

— Распределение премий - дело вообще весьма щекотливое. У нас в обсерватории ещё при Гостреме начала вырабатываться, а без него окончательно закрепились довольно жёсткая система оценок, пропорционально которым и назначалась премия. Оценка образовывалась путём перемножения коэффициентов участия, качества работы, времени работы и зарплаты (пропорционально последней начислялся премиальный фонд). Каждому сотруднику коэффициенты выставлялись его руководителем, они обсуждались потом на совещании руководителей подразделений в присутствии представителя от месткома, а затем, окончательные результаты утрясались до круглых цифр, выраженных уже в рублях. Премии руководителям подразделений по этой же системе поначалу назначали мы себе сами, а потом - один Иванов, а ему - Лобачевский.

— Я имел самый высокий коэффициент зарплаты - единственный со степенью в обсерватории, и у меня всегда получалась резко выделяющаяся цифра, которую каждый раз подрезали, чтобы слишком уж не выделялся. В глубине души это меня обижало, ведь цифра выводилась на законном основании, не виноват же я что кандидат наук, а остальные нет, но виду старался не подавать и не протестовал. Конечно, не обходилось и у нас без недовольных, но всё же трудно было придумать более демократичную систему.

— В университете ничего подобного не было. Там при распределении премий царил полный произвол сначала Гострема, потом Кубаровского, а теперь вот - Кости. Ничтоже

сумняешься Костя назначал себе сумму раза в три выше следующей по размеру премии: скажем, себе - 600 р., Лёньке - 200, остальным старшим научным сотрудникам по 150, прочим - эмэнэсам и инженерам - меньше сотни, лаборантам по 10-20 рублей.

— Размеры своей премии Костя откровенно обосновывал тем, что премию в Минвузе он сам пробивал по разделу особо важных работ, мол, если бы не он, так и того бы не видали, а у него до сих пор долги ещё не расхлёбаны. Так прямо и говорил.

— Лёньку со Смертиным раздражало ещё Костино потакание всем денежным претензиям, как по части зарплаты, так и по части премий, Медведева и Бобарыкина, особенно последнего. Себя же они считали несправедливо обделёнными, как оно, пожалуй, и было, в сравнении хотя бы с тем же Бобарыкиным.

— Не воодушевляло сотрудников темы и полное Костино равнодушие к их научным интересам, нежелание помочь даже в тех вопросах, где Косте полагалось быть наиболее компетентным, - в проблемах численных методов. Несколько раз совался к нему за консультациями Смертин, предлагал совместную работу сделать, но Костя отмахивался или ограничивался общими рассуждениями. Случалось такое и в отношениях с Кореньковым, Сашулей, Клименко. Это вело к девальвации Костиной репутации и как специалиста в глазах многих его коллег, недавно ещё высоко его ценивших.

— Так что в целом ситуацию на теме в университете нельзя было назвать здоровой, хотя общий темп работ и не снижался.

— Ситуация эта была хорошо известна Серёже Лебле. У нас с ним в последнее время объявились и общие научные интересы - в области внутренних гравитационных волн. Мы со Смертиным занимались моделированием распространения этих волн в ионосфере, а Серёжа у себя на кафедре теорфизики занимался (по хоздоговору то ли с Институтом океанологии, то ли с АтлантНИРО) распространением аналогичных волн в океане.

— В сущности мы решали очень сходные уравнения, но с помощью разного математического аппарата: мы прямо в лоб, численно, а теоретики пытались найти аналитические решения. Особенно увлекала Серёжу возможность существования солитонных решений (уединённых волн) применительно к ионосферным условиям. Он с удовольствием взялся бы за решение такой задачи - получение ионосферного солитона.

— Об этом мы и болтали как-то, сидя ночью у костра под дамбой на Полесском канале, недалеко от Головкина. Обсудив проблемы ВГВ, поперебивали косточки Смертину, Латышеву... И тут впервые прозвучала идея - а не перевести ли нашу тему, пресловутый "Клён-6", на кафедру теорфизики?

— Ты же наших кафедральных всех знаешь - порядочные люди, а это ведь главное, пожалуй, - говорил Серёжа.

— С этим я был согласен.

— К тому же тематика ваша для нас теперь далеко не чужая, и в нелинейных волнах мы уже неплохо разбираемся.

— И это было справедливо.

— Тогда можно будет вместо Латышева любого из наших кандидатов наук поставить научным руководителем: хоть Корнеева, хоть Шпилевого, хоть меня, наконец.

— Но ведь из вас никто в геофизике не разбирается, а тема-то геофизическая всё-таки.

— Ну, это дело наживное. Латышев тоже ведь не геофизик. Уж хуже, чем с ним, не будет наверняка. Так что вы ничего не теряете, а, может, и приобретёте. И студенты у нас самые сильные на факультете, будем для вас выпускников готовить.

— Что-то в этом есть. Надо будет подумать. Тут ещё вот в чём трудность: моделирование вполне может находиться в русле интересов кафедры теоретической физики, а как быть с остальными? Теми, кто работает на Саенко и особенно на Иванова? У них же много чисто экспериментальной, даже просто радиотехнической работы.

— В принципе это тоже не страшно. Тема настолько комплексная, что может выполняться разными кафедрами, но руководить-то всё равно должен кто-то один. Тема должна быть закреплена, как и все темы на факультете, за какой-то конкретной кафедрой.

Так отчего бы не за нашей? Латышев-то вообще сейчас на математическом факультете, чем же вам кафедра матанализа ближе?

— Все это звучало для меня достаточно убедительно.

— Кафедра теорфизики представлялась мне если и не самым организованным, то во всяком случае самым дружным коллективом на физфаке, без внутренних дрязг, сплотившимся ещё в борьбе с Прицем, состоящим из людей, ближе прочих мне по духу, более других грамотных в части физики и математики вообще, а не в узкой специализации только, и, главное, безусловно порядочных.

— Их заинтересованность в нашей тематике была понятна: для них мы были бы наиболее удобными заказчиками по сравнению со всеми теми, с которыми они имели дело раньше. Во-первых, рядом, здесь же в Калининграде, не надо никуда ездить; во-вторых, люди знакомые, почти свои; в-третьих (или как раз во-первых) - научные интересы сблизились на почве нелинейных волн.

— Но как практически осуществить такое - перевести тему на кафедру теоретической физики?

— - Разумнее всего не спешить. Договор по "Клёну-6" заключён с несуществующей теперь кафедрой экспериментальной физики до конца следующего, то есть 1978 года. Настаивать перед ректором и Кубаровским на переводе темы на кафедру теорфизики пока нет достаточных оснований, если не считать наших с Серёжей приятельских отношений и приведённых выше рассуждений, достаточных в смысле убедительности для ректора и Кубаровского, последнего, главным образом. Новый же договор можно будет заключать непосредственно с кафедрой теорфизики, если к этому времени кафедра проявит себя в направлении нашей тематике. Для этого следовало бы сотрудникам кафедры, занимающимся нелинейными волнами, поработать на нашей теме в общих рядах безо всяких претензий на руководство. Параллельно же не мешало бы заключить договор о творческом содружестве между обсерваторией и кафедрой теорфизики, в котором на будущее предусматривалась бы возможность заключения и хоздоговора. Ну, а дальнейшее - время покажет.

— Собственно, я предлагал Серёже действовать по тому же плану, по которому мы с Даниловым пробивали хоздоговор между обсерваторией и ИПГ. Для реализации этого плана не хватало лишь ставок на тему для теоретиков, но я надеялся выбить у Лобачевского на следующий год дополнительных тысяч двадцать к договору с университетом на расширение работ по ВГВ. Этих денег как раз хватило бы ставки на три для теоретиков (по совместительству) и ещё осталось бы на пару лаборантов.

— Так и сделали.

— Договор о творческом содружестве между обсерваторией и кафедрой теорфизики КГУ (ни к чему не обязывающая в общем-то бумажка, но идущая в плюсовой зачёт руководству обеих организаций по части координации и кооперации и поэтому обычно легко подписываемая; такими бумажками стелят дорожку для заключения более серьёзных сделок с финансовыми обязательствами - хоздоговоров) был заключён и подписан Лобачевским и ректором в ноябре 1977 года.

— А в январе 1978 года было заключено дополнительное соглашение между ИЗМИРАНом и КГУ по теме № 105 ("Клён-6"), согласно которому в техническое задание включались дополнительные пункты по теоретическим исследованиям нелинейных волн в верхней атмосфере Земли, то есть расширялась тематика, которой до этого на тему занимался один Смертин, и объём финансирования на 1978 год увеличивался на 20 000 рублей, что позволило принять на тему выпускника кафедры теорфизики Кшевецкого и по совместительству преподавателей кафедры - Лебле, Корнеева и Шпилевого.

— Костя, разумеется, не возражал против расширения темы, которая по-прежнему оставалась под его руководством, - его престиж при этом только повышался. Моё протезирование Серёже его несколько не удивило, о наших с Серёжей приятельских отношениях он прекрасно знал. О планах на будущее темы Костя не заговаривал. Не до

того ему было. Он был весь поглощён более важным для него делом - пробиванием отдельной кафедры для себя на математическом факультете.

— Встречались мы с Костей теперь совсем редко. А в нашей комнате в кирхе, где мы давно уже сидели только вдвоём с Клименко, оставался свободным Костин стол, ящики которого были забиты какими-то его бумагами, книгами и распечатками. Так он их и не забрал, они там много лет пылились, пока в один из ремонтов мы сами не перетрясли эти ящики и не отправили их содержимое Косте в университет.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)